

От т. Емова

СЕКРЕТАРЮ Ц.К. ВКП/б/

Т О В . С Т А Л И Н У .

Направляю Вам протокол допроса участника контрреволюционной организации правых -СЛЕПКОВА В.Н. от 13 февраля с/г.

СЛЕПКОВ показал, что с 1925 года он входил в состав Бухаринской "школки", а затем являлся членом антисоветской террористической организации правых.

СЛЕПКОВ неоднократно участвовал на нелегальных совещаниях организации, где обсуждались вопросы террора; на одном из этих совещаний в 1932 году он - СЛЕПКОВ присутствовал при выступлении БУХАРИНА, дававшего установки о террористической борьбе против руководителей ВКП/б/.

СЛЕПКОВ В. в Казани руководил группой правых и в 1932 году установил контакт с троцкистской организацией в Казани, возглавлявшейся ЭЛЬВОВЫМ.

Допрос СЛЕПКОВА продолжаем.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

(Н. Е Ж О В)

" 14 " февраля 1937 г.

55793

ПРОТОКОЛ ДОПРОСАС Л Е П К О В А Василия НиколаевичаОт 13 февраля 1937 года.

СЛЕПКОВ В.Н. - 1902 г.рожд, из семьи учителя, образование высшее, окончил Институт Красной профессуры; с 1930 г. профессор биологии. Бывш.член ВКП(б) с 1919 по 1933 г. В 1933 г.был арестован за участие в к-р.деятельности правых и был осужден к заключению в изолятор на 3 года; в июне 1933 года из изолятора освобожден и выслан на оставшийся срок в Уфу. Окончил ссылку в мае 1936 г. и с этого времени проживал в Баку. Вновь арестован 14.1.37 г.

Вопрос: Вы в 1933 г.арестовывались за участие в нелегальной деятельности правых ?

Ответ: Да, арестовывался и понес уже за это соответствующее наказание.

Вопрос: Все-ли тогда рассказали следствию об антисоветской деятельности организации и вашей лично ?

Ответ: Конечно все. Может быть я кое-что и упустил, но не из существенных моментов.

Вопрос: Следствие располагает достаточными данными, что вы скрыли наиболее существенные факты из нелегальной деятельности организации правых.

Ответ: Я на следствии в 1933 г.обо всем показал.

Вопрос: О террористических намерениях КУЗЬМИНА Против тов.Сталина вы сообщили ?

Ответ: Нет.

Вопрос: О факте с КРотовым вы сообщили ?

Ответ: Нет, не сообщил.

Вопрос: Значит вы эти факты скрыли ?

Ответ: На следствии в 1933 г. меня об этом не спрашивали. Допрашивавший меня следователь - Рутковский интересовался лишь моими связями и антипартийными высказываниями в среде правых, о чем я ему и рассказывал.

Вопрос: А об установленном вами контакте с троцкистской организацией в Казани вы дали показания ?

Ответ: Должен признаться, что в 1933 г. мне удалось следствию всю нелегальную работу, которую вели правые, изобразить, как деятельность небольшой оппозиционной группы. Как я потом узнал в изоляторе остальные арестованные по нашему делу также на следствии скрыли факты нелегальной работы организации.

Сейчас я достаточно убедился в том, что если мы - члены организации правых не хотим окончательно погрязнуть в фашистском болоте и очутиться в мусорной яме истории, если мы не хотим быть навеки проклятыми, мы должны окончательно и безвозвратно порвать с нашим контрреволюционным прошлым.

Для меня, находящегося в заключении, этот окончательный разрыв с прошлым будет прежде всего выражаться в правдивых показаниях, полностью вскрывающих, как мое личное участие в контрреволюционной террористической организации правых, так и всех известных мне других членов организации.

Вопрос: Насколько искренне это ваше заявление покажет ход следствия.

Когда и каким путем вы включились в контрреволюционную деятельность правых ?

Ответ: Я прошу учесть следующее: мне известно о существовании организации правых, возглавляемой центром в лице БУХАРИНА Н.И., РЫКОВА А.И., ТОМСКОГО М.П. и УГЛАНОВА.

Однако, мое личное участие в этой организации связано с той частью организации, которая вышла из "бухаринской школы" или "группы молодых".

Это отступление я делаю для того, чтобы вы имели в виду, что все последующие мои показания относятся к этой бухаринской части организации правых, т.к. деятельность и участники др. ответвлений организации правых мне неизвестны.

Я приехал в Москву и поступил в ИКП в 1925 г. и скоро через своего брата Александра СЛЕПКОВА, был вовлечен в группу, которая уже имела имя "бухаринской школы". К этому времени в группе состояли: СЛЕПКОВ А.Н., МАРЕЦКИЙ Д.П., МАРЕЦКИЙ Г.Н., АСТРОВ В.Н., СТЕЦКИЙ А.И., ЗАЙЦЕВ А., САПОЖНИКОВ П.Ф., РАДИН С., КРОВАЛЬ А.И., ГОЛЬДЕНБЕРГ, КАРЕВ.

Позднее группу пополнили: КУЗЬМИН, КАРМАЙТОВ, АЙХЕНВАЛЬД и Д.П. РОЗИТ. Примерно в 1928 г. с группой порвали СТЕЦКИЙ и КРОВАЛЬ. КАРЕВ перешел к зиновьевцам.

Первое время группа ставила своей целью разрабатывать и развивать теоретические вопросы экономики и политики.

Идейно-политическим вдохновителем группы, признанным у нас вождем, был Н.И. БУХАРИН. Как-бы заместителем БУХАРИНА, занимавшимся всеми организационными вопросами группы, был Александр СЛЕПКОВ. БУХАРИН ему абсолютно во всем доверял и

и он в свою очередь платил ему беспредельной преданностью. На всем протяжении существования организации правых, А. СЛЕПЦОВ был наиболее догматическим и неприклонным последователем к-р. теорий БУХАРИНА. Он был своего рода бухаринской дубинкой, всякое, даже частичное несогласие кого-либо из членов группы с БУХАРИНЫМ и его "школкой", встречалось им в штыки и вызывала с его стороны грубую критику, вплоть до личных выпадов.

Вскоре определилась руководящая тройка группы в составе: СЛЕПЦОВА А.Н., МАРЕЦКИЙ Д.П., АСТРОВ В.Н. Эта тройка ведала орг. вопросами, подготовкой и привлечением новых членов группы, назначением заседаний группы, подготовкой вопросов к этим заседаниям и т.д.

1925-1928 г. характеризуются систематическими собраниями членов группы. Обыкновенно эти собрания происходили по воскресным дням в редакциях "Правды" и "Большевика" в кабинетах БУХАРИНА и др. членов группы, работавших в этих редакциях. На собраниях ставились и обсуждались вопросы партийной политики о гос. капитализме, о кооперации, о государстве, о частном секторе, о работе Коминтерна, в аппарате которого были люди преданные БУХАРИНУ. Здесь делались доклады, рефераты, подбирались материалы для выступлений БУХАРИНА, РЫКОВА и др. руководителей правых против решений ЦК ВКП(б).

Все вопросы обсуждались с неприкрыто антипартийных враждебных линий партии позиций. Тогда уже ходила теория, что кулак является "жупелом", что Сталин искусственно разжигая классовую борьбу в деревне, ведет революцию к гибели.

На этой основе культивировалась прямо звериная ненависть к партийному руководству и особенно к Сталину.

Помимо сборищ в редакциях "Правды" и "Большевика", собирались мы в квартирах СЛЕПКОВА А.Н., МАРЕЦКОГО Д.П., АСТРОВА В.Н. Сюда же приезжал и БУХАРИН. Здесь за чашкой чая, а иногда за бокалом вина, страсти разгорались, распространялись самые гнусные и циничные сплетни о руководстве ЦК ВКП(б).

Нужно сказать, что играя в демократизм, БУХАРИН очень умело использовывал группу своих учеников. Многим из нас льстила близость к БУХАРИНУ, особенно интриговало и привязывало нас к БУХАРИНУ то, что он посвящал членов группы в вопросы "высокой политики", регулярно сообщая обо всем, что происходило в ЦК ВКП(б) и Политбюро.

Организация правых, как организация нелегальная, заговорщицкая, начала складываться в 1928 г., когда правые пошли в открытую атаку против партии. В этом году бухаринская группа проявила особую активность. Члены организации на квартирах собирали нелегальные совещания, где обсуждались вопросы борьбы правых.

Мы исходили из того, что основным выходом из всех трудностей, является ставка на широкую частную инициативу.

Кулак, как враждебная сила, упорно отрицался. Помню, на одном из совещаний на квартире МАРЕЦКОГО, РАДИН доказывал, что "никакого кулака у нас нет, а есть только трудовое крестьянство". К коллективизации отношение было резко враждебное и все мы считали, что она провалится и как неминуемый результат должны наступить крестьянские восстания.

Курс на индустриализацию рассматривался, как беспочвенная авантюра. В пятилетку никто из правых не верил, проща ей неминуемую гибель.

Конечно, виновником всех бед назывались Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов. Переживая провал всех выступлений правых, мы вслед за троцкистами, клеветнически твердили о том, что всякая творческая мысль душится партийно-чиновным аппаратом, что в партии создан совершенно невозможный режим и т.д.

Вся работа за эти годы была систематической пропагандой и утверждением бухаринской теории "мирного построения" социализма, являвшейся по существу замаскированной теорией реставрации капитализма. В эти годы упорно оттачивалось то оружие, которое наша организация употребила в борьбе против партии уже в новой обстановке.

Осенью 1928 года, по окончании ИКП, я был командирован на практику в Германию.

Перед моим отъездом в Германию, СЛЕПКОВ А.Н., ГОЛЬДЕНБЕРГ (работал в Коминтерне) или АСТРОВ (точно не помню) сообщили мне, что я должен буду в Берлине передать письмо одному из правых в Коммунистической партии Германии. Я дал согласие. Через несколько дней на квартире А.СЛЕПКОВА я встретился с работниками Коминтерна - ГРОЛЬМАНОМ и ИДЕЛЬСОНОМ, которые передали мне запечатанный конверт. На конверте было лишь указано имя "Артура" (для Артура).

Вопрос: Как же вы должны были найти Артура, не зная адреса и фамилии?

Ответ: Из конспиративных соображений адрес и фамилия адресата на конверте написаны не были, а были мне названы устно и записаны мною на клочке бумаги.

Вопрос: - Назовите фамилию и адреса лица, кому направляется пакет.

Ответ: - Пакет был адресован в Берлин, но ни фамилии, ни названия улицы, где жил "Артур" я сейчас не помню. Со слов передававших мне пакет я знал, что "Артур" является одним из руководителей правых в КПГ.

Вопрос: Вы поручение выполнили.

Ответ: Приехав в Берлин, через два - три дня я направился по известному мне адресу на квартиру "Артура". Дома его не оказалось, так как он куда то выехал из Берлина, но была его жена /молодая женщина/. Я ей сказал, что приехал из СССР и привез Артуру письмо от московских товарищей. Она попросила письмо оставить ей, сказав, что передаст его как только муж придет. Письмо я оставил и ушел.

Вопрос: Какие еще поручения вы имели к правым в Коммунистической партии Германии.

Ответ: Других поручений не имел.

Вопрос: Вы встречались с "Артуром".

Ответ: Нет, не встречался и передачей письма вообще моя миссия в Германии по линии организации правых была закончена.

Вопрос: Как протекала деятельность организации правых и ваша личная после возвращения из Германии.

Ответ: Я возвратился из Германии в мае 1929 г. Мое возвращение в Москву совпало с периодом, когда все попытки правых опереться на массы и открыто пойти в бой

за изменение линии партии провалились. Был нанесен удар и по бухаринской группе, выразившейся в откомандировании ряда членов организации на периферию: СЛЕПКОВ Александр уехал в Самару, ЗАЙЦЕВ Александр в Саратов и т.д. В Москве я пробыл до сентября 1929 года. В этом отрезок времени я встречался с АСТРОВЫМ, МАРЕЦКИМ, наезжавшим в Москву СЛЕПКОВЫМ Александром и др.

Из бесед с ними я узнал, что все члены организации остаются на старых позициях. Раз "ехавшись на периферию, они продолжают там вести работу, создают на местах филиалы организации. Настроения в организации мне охарактеризовали как самые боевые.

Тогда же из бесед со СЛЕПКОВЫМ А., АСТРОВЫМ и МАРЕЦКИМ я узнал, что организация возглавляется всеююзным центром - БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ, ТОМСКИМ и УГЛАНОВЫМ, что помимо БУХАРИНА, имеющего солидные кадры работников теоретического фронта, значительные кадры имеются у РЫКОВА - среди хозяйственников и работников соваппарата, у ТОМСКОГО - в профсоюзных организациях, а УГЛАНОВ очень силен в Московской организации.

Они же мне сообщили о принятых по указанию центра, новой тактике и методах в деятельности организации, которые сводятся к следующему:

В связи с тем, что ХУ-й съезд партии объявил несовместимым взгляды правых с пребыванием в партии, необходимо во чтобы то ни стало сохранить себя в партии, путем покаянных выступлений о разрыве с правыми.

Все попытки понудить СТАЛИНА изменить политическую линию в партии и стране или, как говорили, "сработаться" с ним, потерпели крах, никаких надежд на это в дальнейшем также нет. Вследствие этого вырастает новая, основная задача - свергнуть сталинское руководство; отсюда переход к новым конспиративным, заговорщицким методам работы. Необходимо, показывая внешнюю лояльность генеральной линии партии осторожно прощупывать людей обрабатывать их в духе установок правых и вовлекать в организацию. Необходимо расширять кадры организации и готовить их к решающим выступлениям.

При обработке людей выдвигались следующие программные положения: сплошная коллективизация и ликвидация кулачества - это прямой разрыв с ленинизмом, грубое попрание ленинских заветов о сохранении союза рабочего класса с крестьянством; пятилетний план индустриализации, неосуществимая затея, лежащаяся невыносимым бременем на рабочих и особенно крестьян; и то и другое есть военно-феодалная эксплуатация крестьянства и ведет революцию к гибели.

При всем этом рекомендовалось в первую очередь всячески выносить партийное руководство и особенно СТАЛИНА, не брезгуя никакими средствами.

Тогда же из этих бесед и ряда других фактов из жизни организации в 1930-31 г.г. становилось совершенно очевидным, что в нашей организации создалась атмосфера самой неприкрытой злобной ненависти к СТАЛИНУ и руководству ВКП/б/, атмосфера в которой быстро возникли и росли

террористические настроения.

Вопрос: О каких фактах вы говорите.

Ответ: Таких фактов очень много, многие из нас делились своими мыслями о том, что без физического устранения Сталина "наше дело" не продвинется.

В конце 1929 г., в один из моих приездов из Казани, на даче у СЛЕПКОВА Александра в Покровском - Стрешневе было совещание организации, на котором присутствовали: БУХАРИН Н.И., АСТРОВ, я-СЛЕПКОВ Вас., КУЗЬМИН и еще кто-то из наших. БУХАРИН тогда выступал с очередным докладом против руководства партии. В этот вечер в присутствии всех перечисленных лиц КУЗЬМИН кричал, что он лично убьет СТАЛИНА и требовал предоставить ему такую возможность. О выступлении КУЗЬМИНА тогда очень много говорили в нашей среде, так как оно отражало настроения большинства правых.

Вскоре после этого в подтверждение того, что экстремистские настроения владеют умами членов организации не только в Москве, но и в провинции, СЛЕПКОВ Александр рассказал о случае с завербованным им в Саратове КРОТОВЫМ, взорвавшим портрет СТАЛИНА и топтавшим клочья портрета ногами, требуя уничтожения СТАЛИНА.

В 1931 г. летом, также во время одного из моих приездов в Москву, на квартире СЛЕПКОВА Александра собрались СЛЕПКОВ Александр, АСТРОВ, САПОЖНИКОВ, я-СЛЕПКОВ Вас., МАРКУС, ШАЛАХОВА, ЛЕВИНА Тея. Как всегда на таких собраниях, и в этот раз было много злобных разговоров по адресу руководителей партии. Здесь Тея ЛЕВИНА заявила, что она своими руками задушила бы СТАЛИНА, МОЛОТОВА и КАГАНОВИЧА.

Среди членов организации был широко распространен так называемый тезис РАДИНА "Посадить СТАЛИНА на кол".

Такого рода настроения были характерны для всех членов организации, с которыми мне приходилось встречаться. По существу это была психологическая подготовка к переходу организации правых в целом на путь террористической борьбы против руководства партии.

Вопрос: Какими вы располагаете фактами, дающими основание утверждать, что организация в целом встала на путь террористической борьбы против руководства партии.

Ответ: Об этом мне известно из ряда источников, в том числе и из уст Н.И.БУХАРИНА. Я хочу осветить эти вопросы соблюдая известную хронологию. Поэтому разрешите мне сначала перейти к изложению казанского периода моей деятельности.

Вопрос: Когда вы выехали в Казань и какие получили поручения.

Ответ: В Казань выехал в сентябре 1929 г. Специальных каких-либо директив я не получал, да и в них не нуждался. Я был достаточно полно ориентирован о задачах нашей организации и кроме того, был информирован о том, что в Казани находится АЙХЕНВАЛЬД, создавший там филиал организации.

Вопрос: По приезде в Казань вы связались с АЙХЕНВАЛЬДОМ.

Ответ: В Казани я был назначен профессором Комвуза, где уже работал АЙХЕНВАЛЬД и я сразу же с ним связался. К этому времени АЙХЕНВАЛЬД уже сколотил крепкую

группу, состоявшую из преподавателей комвуза МЕДВЕДЕВА, ВИНОГРАДОВА, ГОРШКОВА, КУДРЯВЦЕВА, САФОНОВА.

Я сразу включился в работу группы и вскоре обработал и завербовал в организацию профессора химии Казанского Гос. Университета Бориса Николаевича ВЫРОПАЕВА и студента МАТЮНИНА.

Вопрос: Как происходила вербовка вами ВЫРОПАЕВА и МАТЮНИНА.

Ответ: С ВЫРОПАЕВЫМ мы были знакомы еще по ИКП. Я знал, что он сочувствует правым. В Казани мы быстро сошлись и я начал зондировать почву, осторожно намекая на свое несогласие с линией партии по ряду вопросов, ВЫРОПАЕВ выразил свое согласие с моими взглядами, после чего я ему рассказал о существовании организации правых, назвал руководителей организации, перечислил стоящие перед нами задачи и свел его с членами нашей казанской группы.

МАТЮНИН уже был обработан до меня ВИНОГРАДОВЫМ и я лишь завершил его вербовку, рассказав ему об организации и наших задачах.

Вопрос: Вы назвали всех участников казанской группы.

Ответ: Да, всех, которые мне были известны.

Вопрос: В чем выражалась практическая деятельность казанской группы организации правых.

Ответ: Члены группы регулярно совещались на квартирах у меня, МЕДВЕДЕВА и ВИНОГРАДОВА. На этих совещаниях намечались и обсуждались кандидатуры из числа студентов

и намечались методы их вовлечения в организацию. Обсуждали порядок и способы протаскивания в лекциях правоопportunистических, бухаринских установок.

На вечерних собраниях члены группы вели самые откровенные антисоветские разговоры. Со злобой и ненавистью упоминалось имя СТАЛИНА, клеветали на него, смаковали циничные анекдоты, бросали по его адресу гнуснейшие апитеты.

Весной 1930 г. АЙХЕНВАЛЬД уехал на работу в Москву. Однако, мы продолжали поддерживать организационную связь с АЙХЕНВАЛЬДОМ и руководящим центром организации.

Вопрос: Каким путем поддерживалась связь с центром организации.

Ответ: Путем приезда в Казань для инструктажа руководящих членов организации и выездов в Москву моих и МЕДВЕДЕВА.

Вопрос: Кто и когда приезжал для инструктажа в Казань

Ответ: Летом 1930 г. в Казань приезжал СЛЕПКОВ Александр, сыгравший большую роль в развитии и об"активлении нелегальной деятельности нашей группы. По просьбе СЛЕПКОВА было созвано узкое совещание группы, состоявшееся в квартире профессора ВЬРАПАЕВА.

В этом совещании принимали участие: ВЬРОПАЕВ, я - СЛЕПКОВ Вас., МЕДВЕДЕВ, ГОРШКОВ и ВИНОГРАДОВ. СЛЕПКОВ в своей информации много распространялся о губительности политики, проводимой ЦК ВКП/б/, сопоставляя ее с "единственно верными" установками правых. Он сообщил, что руководство организации правых твердо стоит на старых позициях и про-

должает заправлять всей деятельностью правых в Союзе, во в интересах сохранения кадров РЫКОВ, БУХАРИН, ТОМСКИЙ и др. вынуждены делать видимость прекращения борьбы против СТАЛИНА и даже иногда выступать против самих себя.

СЛЕПКОВ Александр далее сообщил, что филиалы организации правых имеются и в других городах, назвав Самару, Саратов, Свердловск.

СЛЕПКОВ долго доказывал, что СТАЛИН является главным препятствием к победе правых.

В заключение он остановился на задачах организации в этот период. Он указал на необходимость: соблюдать конспирацию, проникать в партийный и советский аппарат; несмотря на то, что в партии, как говорил СЛЕПКОВ Александр, очень много сочувствующих нам - не следует увлекаться вовлечением в организацию большого числа новых непроверенных людей и главное - надо беречь уже проверенные и действующие кадры.

Не помню точно на этом ли совещании, или в личной беседе СЛЕПКОВ Александр развивал мысль о необходимости, в связи с переходом правых в подполье, устанавливать на местах контакт с троцкистами и представителями других оппозиционных течений. Тут же СЛЕПКОВ сказал, что аналогичный контакт намечается так-же в Москве и ведутся переговоры с троцкистами.

После отъезда СЛЕПКОВА из Казани, наши совещания проводились систематически и мы развернули работу среди студентов Комбуза; уже намечалось проведение ряда вербовок в

организацию, однако, мы вынуждены были на некоторый период нашу работу свернуть вследствие частичного провала.

Осенью 1930 г. парткому Комвуза стало известно о том, что вокруг меня группируется группа преподавателей и некоторые из студентов: видимо просочилось кое что и из моих враждебных высказываний.

Вопрос: О каких студентах вы говорите. Кто из них был завербован в организацию.

Ответ: В Комвузе были студенты на которых наши правые установки и личная обработка оказали свое влияние. Конкретным выражением этого было выступление в мою защиту студентов на собрании, где ставился вопрос о моем исключении из партии. Фамилий этих студентов я сейчас не помню, но их можно восстановить по протоколам собрания. Никто из них завербован не был, так как после проработки меня в парторганизации, мы опасались дальнейшего провала. Я был исключен из партии, остальные отделались выговорами.

Из конспиративных соображений я прекратил встречаться с членами организации, кроме МЕДВЕДЕВА, через которого и осуществлял связь с остальными.

В 1931 г. я усиленно и бесконечно "каялся", добиваясь своего восстановления в партию.

Вопрос: И вам удалось восстановиться.

Ответ: Да, удалось.

Вопрос: Оказывал ли вам содействие при восстановлении в партии кто либо из членов организации.

Ответ: Да, такую помощь оказал член нашей организа-

ции МАТЮНИН, состоявший к этому времени зав. агитпропом Заречного Райкома ВКП/б/ г. Казани. Он устроил мне приглашение на работу в качестве руководителя марксистско-ленинского кружка районного актива. Проработал я в этом кружке недолго и получил от МАТЮНИНА положительный отзыв с просьбой восстановить меня в партии.

Вопрос: Вы показали, что связь с центром осуществлялась и путем выездов в Москву ваших и МЕДВЕДЕВА.

Когда эти выезды имели место и каковы их результаты.

Ответ: О своих поездках в Москву, когда я присутствовал на совещаниях - на даче А. СЛЕПКОВА в 1930 г. и на квартире А. СЛЕПКОВА в 1931 г., я уже показывал. Хочу дополнить тем, что мне стало известным в свой приезд в 1931 г.

Первое - сопротивление кулачества в связи с коллективизацией, трудности хлебозаготовок, возникшие волнки в ряде районов, наметившийся саботаж, а кое где и вооруженные выступления кулака окрылили надеждами и подняли дух организации. Считалось, что сталинское руководство держится на волоске. Особые надежды возлагались на развитие восстаний в деревне и неизбежное перерождение их в широкое движение крестьянских масс, которое окончательно свалит сталинский режим и приведет к победе правых:

В начале 1932 г. в Москву ездил МЕДВЕДЕВ, который по возвращении в Казань сообщил мне, что в квартире АЙХЕНВАЛЬДА он встречался с БУХАРИНЫМ, где БУХАРИН провозгласил необходимость физического устранения СТАЛИНА.

Бухаринское предложение было воспринято как директива центра правых о переходе организации к подготовке и осу-

чувствлению террористических актов.

Вопрос: Какова была позиция в вопросе о терроре ваша и МЕДВЕДЕВА.

Ответ: Сообщение МЕДВЕДЕВА о том, что в организации начинает реально разворачиваться террористическая деятельность меня несколько не удивило, так как весь путь развития правых до этой директивы - вел к террору. МЕДВЕДЕВ также стоял на точке зрения террора.

Вскоре, весной 1932 года я ездил в Москву. На квартире А. СЛЕПКОВА, в присутствии СЛЕПКОВА, АСТРОВА, ЗАЙЦЕВА и еще кого то я и сам слушал выступление БУХАРИНА, где он доказывал необходимость насильственного устранения СТАЛИНА.

В сентябре 1932 года я вновь выезжал в Москву. 25 или 26 сентября в квартире СЛЕПКОВА собрались: я - СЛЕПКОВ Василий, А. СЛЕПКОВ, А. ХЕНВАЛЬД, МАРКУС Елена и ЗАЙЦЕВ Александр.

СЛЕПКОВ А. информировал нас о том, что за несколько дней до этого состоялась нелегальная конференция организации правых, в которой принимали участие ряд членов организации, проживавших в Москве и представители с мест. На конференции были сделаны доклады об экономическом и политическом положении в стране и доказывалось, что сталинская политика зашла в тупик и, что все мы находимся накануне грозных событий. Все участники конференции, исходя из предпосылки, что назревают серьезные события, пришли к единодушному мнению о необходимости быть готовыми возглавить движение против сталинского руководства.

Из слов СЛЕПКОВА А. я понял, что конференция была созвана с ведома центра правых.

Тогда же СЛЕПКОВ, А. сообщил, что вышла в свет "Рютинская платформа", одним из главных пунктов которой является требование расправиться с партийным руководством силой. Мы все понимали, что эта платформа хотя и была составлена РЮТИНЫМ, но по существу является общей платформой правых.

Особенно подробно и с большим воодушевлением А. СЛЕПКОВ изложил свою вновь придуманную теорию "неонэпа". Он говорил, что очень много работал над обоснованием этой теории, использовал груды материалов и восторженно подчеркнул согласие с ней Н.И.БУХАРИНА. Теория эта трактовала возрождение нэпа в какой то модифицированной форме на значительно расширенной базе. Но существу это было слабо прикрытая программа реставрации капитализма.

А. СЛЕПКОВ говорил, что установлен контакт между правыми с одной стороны и троцкистами и зиновьевцами с другой и о ведущихся переговорах с право-левацкой группой СТЭНА - ЛОМИНАДЗЕУ

Вопрос: На этом совещании в квартире Александра СЛЕПКОВА СТЭН присутствовал.

Ответ: Нет, его не было, но во время развернувшейся беседы действительно СТЭН пришел и о чем - то разговаривал наедине с А. СЛЕПКОВЫМ.

После ухода СТЭНА, Александр СЛЕПКОВ сообщил, что СТЭН встретился с УГЛАНОВЫМ в ЦКБ и вынес впечатление, что УГЛАНОВ возможно уже рассказал или расскажет о деятель-

ности организации. Было решено послать ЗАЙЦЕВА к УГЛАНОВУ для проверки этого сообщения СТЭНА. Скорее ЗАЙЦЕВ вернулся и рассеял сомнения СТЭНА, изложив свою беседу с УГЛАНОВЫМ. По словам ЗАЙЦЕВА на УГЛАНОВА очень сильно напирала, требуя раскрыть подпольную работу правых. Однако УГЛАНОВ тверд и не сдается, он надеется отделаться каким-либо двуручническим декларативным заявлением. УГЛАНОВ предупреждал о возможности репрессий и просил передать друзьям, что в случае вызова в партийные органы или ареста необходимо отрицать подпольную работу и главным образом наличие центра и причастность такового к рютинской платформе.

В этот же день часов в 12 ночи пришли сотрудники ОГПУ и арестовали А. СЛЕПКОВА. Все мы присутствующие были обысканы и переписаны.

В ближайшие 1-2 дня вслед за арестом А. СЛЕПКОВА я имел встречу с ЖИРОВЫМ, АЙХЕНВАЛЬДОМ, ЗАЙЦЕВЫМ. Мы много раздумывали над тем, кто мог явиться предателем в нашей среде. Озлобленность наша с арестом СЛЕПКОВА выросла еще больше.

Вопрос: Что же вы практически намечали для осуществления террористических замыслов организации.

Ответ: Конкретные планы мне неизвестны.

Вопрос: А в Казани разве ничего не делалось.

Ответ: Как я уже показывал казанская группа организации сначала АЙХЕНВАЛЬДОМ, а потом мною и МЕДВЕДЕВЫМ воспитывалась в духе непримиримой ненависти к СТАЛИНУ. В этой группе почва для восприятия террора

была уже подготовлена, как и в других филиалах организации.

После МЕДВЕДЕВА и моей поездки в Москву в 1932 году, когда нам стало известно, что террор становится одним из главнейших орудий борьбы, мы информировали об этом членов нашей группы, однако практически в этом отношении ничего сделано не было.

Вопрос: Выполняли-ли вы указания об установлении контакта с троцкистами.

Ответ: Вначале мне это не удавалось. В 1930 году я пытался установить организационную связь с зиновьевцем Оскаром ТАРХАНОВЫМ, но не знаю по каким причинам ТАРХАНОВ от этого уклонился.

Длительное время я в Казани встречался с троцкистом КОРБУТОМ, мы вели контрреволюционные разговоры, но и здесь организационная увязка не состоялась. У меня создавалось впечатление, что КОРБУТ - троцкист - одиночка и за ним людей нет. Допускаю, что он мог от меня конспирироваться, а я в свою очередь не хотел ничего ему сообщать.

Только в 1932 году с приездом в Казань известного троцкиста ЭЛЬБОВА наша казанская группа организации правых вступила в деловой контакт с казанской группой троцкистской организации, руководимой ЭЛЬБОВЫМ.

Вопрос: Кто входил в состав казанской группы троцкистской организации, руководимой ЭЛЬБОВЫМ.

Ответ: Директор медицинского института ДИВОВИЦКИЙ, проректор по учебной части педагогического института БЫКОВ, преподаватель одного из казанских институтов

ЩЕПЕРИН /возможно фамилия не точна/, секретарь парткома педагогического института /фамилию его не помню/ и ряд др. лиц, фамилии которых по всем желаним вспомнить не могу:

Вопрос: Откуда вам известно, что эти лица входили в троцкистскую организацию.

Ответ: По приглашению ЭЛЬОВОА я и МЕДВЕДЕВ один-два раза принимали участие в совещаниях группы ЭЛЬОВОА и некоторых из членов группы ЭЛЬОВОА /ДИКОВИЦКИЙ, ВЯКОВ и еще кто-то - кто именно не помню/ Я там лично видел.

Вопрос: На какой базе вами был установлен контакт с троцкистами в Казани.

Ответ: В неоднократных беседах с ЭЛЬОВЫМ и на совещаниях /одном или двух/ где я присутствовал мы обсуждали вопросы политической жизни страны и наших перспектив.

Расходясь кое в чем, имеющем больше обстрактно-теоретическое нежели практическое значение, мы сходились в основном - в непримиримой вражде к СТАЛИНУ и партийному руководству и необходимости террористических методов борьбы.

Развитие наших отношений было пресечено моим и МЕДВЕДЕВА арестом и заключением в изолятор, о чем я уже говорил выше.

Вопрос: Находясь в изоляторе продолжали ли Вы вести организованную контр-революционную работу.

Ответ: В Суздальи я оказался вместе с целой группой правых.

Получилось это таким образом: в апреле месяце 1933г. в Суздальский изолятор была направлена большая группа

правых и троцкистов. Ехали мы в одном вагоне. За десять примерно часов совместной езды я успел поговорить с АСТРОВЫМ, ЗАЙЦЕВЫМ, МЕДВЕДЕВЫМ и другими привлекавшимися по одному делу со мной. Я узнал, что все остальные также, как и я на следствии скрыли все наиболее важное из деятельности организации.

В Суздали нас рассадили по камерам, но в одной прогулке оказались следующие правые: ФЮТИН, ПЕТРОВСКИЙ, АЙХЕНВАЛЬД, - я - СЛЕПКОВ В., САПОЖНИКОВ, ВИНОГРАДОВ, ХУДЯКОВ и СЛЕСАРЕВ, позднее в эту же прогулку был включен и МЕДВЕДЕВ. В одну камеру со мной попали ПЕТРОВСКИЙ и САПОЖНИКОВ. В одну прогулку с нами пускались троцкисты СМИРНОВ И.Н., СМИРНОВ В.М., АРШАВСКИЙ, БРОНШТЕЙН.

В изоляторе правые держались обособленно, своей "кучкой". Первое время - около двух недель, внутри камер и на прогулках шел детальный разбор проведенного следствия по нашему делу, каждый рассказывал о том, в чем он обвинялся, какие ему пред"являлись материалы, какие показания он сам давал и т.п. Позднее в камерах и на прогулках начались политические беседы-дебаты вокруг платформы правых и разборе ее отдельных вопросов, по которым /отдельным вопросам/ каждым из нас высказывались старые к-р взгляды. Из этих обсуждений было видно, что бухаринские идеи сидят в нас очень глубоко.

Освоившись с условиями изолятора, я завязал конспиративную связь с МЕДВЕДЕВЫМ, арестованным со мной по одному делу.

Вопрос: Как вы установили эту связь.

Ответ: На прогулке в саду на столе я написал: "Федя ищи в грядке" и положил в грядку, засыпав землей записку с обращением к нему установить связь. В дальнейшем путем оставления записок в грядке мы вели переписку с МЕДВЕДЕВЫМ.

Мы постоянно между собой делились новостями из газет и писем. Жены наши тоже облизались за это время. Периодически кто-либо из них приезжал на свидание и сообщал кое-какие новости, которыми каждый из нас делился с остальными. Когда мне моя жена на свидании рассказала о чистке БУХАРИНА и РЫКОВА, - мы долго обсуждали это событие, как свое кровное дело. От брата своего А. СЛЕПКОВА я получал письма из Верхне-Уральского изолятора, которые всегда прочитывались мною, АЙХЕНВАЛЬДОМ, ПЕТРОВСКИМ и САПОЖНИКОВЫМ.

Из вычеркнутых цензурой мест, мы путем кропотливой работы иногда кое-что восстанавливали. Таким образом мы в изоляторе сохранились как группа правых.

Вскоре началась подача заявлений о разрыве с правыми. Заявления наши предварительно зачитывались, обсуждались и контролировались нашей группой.

В 1934 году наши заявления были рассмотрены и в июне месяце я был освобожден из изолятора и направлен для отбывания ссылки на оставшийся срок в Уфу.

Вопрос: Какую контрреволюционную работу вы проводили в Уфе.

Ответ: В Уфе никакой к-р работы я не вел. Начав работать профессорам Уфимского медицинского института,

и консультантом Н-И Института Земледелия и Животноводства, я до конца 1935 года раз 10-12 снимался с работы, увольнялся и затем вновь принимался. Это было почти каждый месяц, а в начале 1936 года я был окончательно уволен.

При таком положении и отношении ко мне, естественно, многие просто не хотели со мной встречаться, дабы не навлечь на себя подозрений. До окончания срока ссылки - в мае 1936 года, меня не принимали на работу ни в Уфе, ни в других многочисленных городах, куда я посылал свои предложения.

В мае 1936 года выехал к родным жёны в гор. Баку, где и находился до ареста.

Записано верно, мною прочитано. -

Допросили:

НАЧ. 4 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТДЕЛА ГУГБ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:
/ЛИСТЕНГУРТ/

СОТРУДНИК 4 ОТДЕЛА ГУГБ:

/КАШИЦЫН/.

В е р н о: СТ. ИНСПЕКТОР 8-го ОТДЕЛА ГУГБ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

Голанский /ГОЛАНСКИЙ/